

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

З-56

Jeff Zentner
GOODBYE DAYS

Печатается с разрешения литературных агентств
InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency

Зентнер, Джефф.

З-56 Дни прощаний / Джефф Зентнер; [пер. с англ.
А. Прохоровой, Н. Лазенкова]. — Москва: Издательство
АСТ, 2018. — 416 с. — (#YoungLife).

ISBN 978-5-17-110297-5

«Вы где, ребята? Ответьте». Это последнее сообщение, которое семнадцатилетний Карвер Бриггс отправил своим лучшим друзьям Марсу, Эли и Блейку. Он не мог даже предположить, что из-за невинного смс его друзья погибнут.

Теперь Карвер винит себя в автокатастрофе. И не он один — семьи его погибших друзей твердо намерены призвать Карвера к ответу.

В попытке справиться с горем Карвер устраивает «дни прощаний» с Марсом, Эли и Блейком, по кусочкам собирая воспоминания о своих друзьях и самого себя — заново...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (4 Вел)-44

© Jeff Zentner, 2017

© А. Прохорова, Н. Лазенков, перевод на
русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-110297-5

*Моей прекрасной Саре.
Ты – мой цвет зимних ночных облаков.
Моя правильная синяя музыка.*

Глава 1

В зависимости от того, кто спрашивает или, наоборот, *кого* спрашивают, вероятно, это я убил трех своих лучших друзей.

Спросите бабушку Блейка Ллойда, Нану Бетси, и она наверняка ответит «нет». Потому что когда мы виделись с ней сегодня, она схватила меня в охапку и со слезами на глазах прошептала: «Ты в этом не виноват, Карвер Бриггс. Это известно Богу, и мне тоже». А Нана Бетси всегда говорит что думает. Так что вот так.

Если бы вы спросили родителей Эли Бауэра, доктора Пирса Бауэра и доктора Мелиссу Рубин-Бауэр, думаю, они ответили бы «возможно». Когда мы встретились с ними сегодня, они посмотрели мне прямо в глаза и пожали руку. На их лицах лежала печать тяжелой утраты, но не гнев. И я почувствовал безысходность в их слабых рукопожатиях. Думаю, такое их состояние связано с бесконечными размышлениями, считать ли меня в той или иной степени причастным к их потере. Так что они вполне могли сказать «возможно». Их дочь Адейр? Сестра-близнец Эли. Мы дружили. Не так близко, как с Эли, но дружили. Уверен, она точно считала, что во

всем виноват я, судя по брошенному на меня гневному взгляду. Словно она желала, чтобы я тоже оказался в той машине. Это произошло всего несколько минут назад, когда она разговаривала с кем-то из наших одноклассников на похоронах.

Теперь судья Фредерик Эдвардс и его бывшая жена Синтия Эдвардс. Если бы вы спросили их, убил ли я их сына Тергуда Маршалла (или Марса) Эдвардса, думаю, они четко ответили бы «наверняка». Когда я сегодня увидел судью Эдвардса, он, как всегда безукоризненно одетый, наклонился ко мне. Некоторое время мы молчали. Воздух вокруг сделался плотным и тяжелым, словно камень.

— Рад видеть вас, сэр, — сказал я наконец и протянул ему свою потную руку.

— Здесь нет ничего радостного, — произнес он своим царственным голосом и, играя желваками, посмотрел поверх меня. Мимо меня. Словно думал, что если убедит себя в моей ничтожности, то сможет поверить и в то, что я не имею отношения к смерти его сына. Он пожал мою руку, потому что это был его долг, и лишь так он мог причинить мне физическую боль.

Ну а теперь моя очередь. И вот я сказал бы, что это именно я убил трех своих лучших друзей.

Не специально. Я уверен, никто не верит, что я сделал это специально, пробравшись под их машину глухой ночью и повредив тормоза. Нет, но это жестокая ирония для писателя вроде меня: я просто вычеркнул их из жизни. **Вы где, ребята? Ответьте.** Простое, неоригинальное послание. Но копы нашли телефон Марса (Марс был за рулем), в котором оказалось недописанное смс. Он хотел ответить на мой вопрос и, похоже, именно этим и занимался в тот момент, когда врезался на автостраде на скорости почти семьдесят

ДНИ ПРОЩАНИЙ

мил в час в зад трейлера. Машина проскочила под трейлером, и ей полностью срезало крышу.

Уверен ли я, что это смс запустило в действие цепочку событий, повлекших за собой смерть моих друзей? Нет. Но это вполне возможно.

Я ошеломлен. Раздавлен. Но еще не в тисках ослепляющей, звенящей боли, которая, не сомневаюсь, ждет меня в череде стремительно надвигающихся дней. Я вспомнил, как когда-то чистил лук, чтобы помочь маме на кухне. Нож выскользнул из рук и поранил мою ладонь. В мыслях возникла пауза, словно телу требовалось понять, что оно ранено. В тот момент я четко знал две вещи. Первое — я чувствовал стремительный удар и тупую пульсацию. Но боль приближалась. О, она стала нарастать. И второе — я знал, что через пару секунд залью кровью любимую мамину бамбуковую доску для нарезки овощей (да, у людей частенько формируется глубокая эмоциональная привязанность к разделочным доскам; и нет, я не понимаю, как это происходит, поэтому не стоит спрашивать).

И вот я сидел на похоронах Блейка Ллойда и ждал боли. Ждал, когда из меня хлынет кровь, заливая все вокруг.

Глава 2

Я — семнадцатилетний специалист по похоронам.

В наших планах значилось закончить последний курс колледжа при Художественной академии Нэшвилла, штат Теннесси. А затем Эли собирался поступить в музыкальный колледж Беркли, чтобы изучать игру на гитаре. Блейк выбрал Лос-Анджелес, решив испытать себя на поприще комика и всерьез заняться написанием сценариев. Марс еще не знал, куда отправится. Зато он знал, что *точно* попробует себя в качестве иллюстратора комиксов. Ну, а я собирался рвануть в Севани или Эмори, чтобы посвятить жизнь литературному творчеству. Таковы были наши планы.

Но в эти планы *не* входило, что мне придется ждать, когда предадут земле третьего члена Соусной Команды. Вчера были похороны Марса. Днем раньше — похороны Эли.

Похороны Блейка проходят в крохотной белой баптистской церкви, одной из 37 567 крохотных белых баптистских церквушек, затерявшихся на просторах округа Дейвидсон. В ней противно пахнет галетами с отрубями, клеем и старым ковром. Стены украшены нари-

ДНИ ПРОЩАНИЙ

сованными пастелью изображениями Иисуса. На этих картинах Иисус, напоминающий бородатый леденец на палочке, раздаёт голубых и зеленых рыбок множеству других нарисованных фигурок. Кондиционер не справляется с августовской жарой, и я нещадно потею в темно-синем костюме, который помогла мне выбрать моя сестра Джорджия. Точнее, она выбрала его за меня, пока я в оцепенении стоял рядом. Я лишь на мгновение вышел из ступора, чтобы заявить, что рассчитывал на черный костюм. Джорджия ласково объяснила, что темно-синий цвет подходит как нельзя лучше и я смогу носить костюм после погребения. Она постоянно забывала произносить это слово во множественном числе — *погребений*. А может быть, и нет.

Я сижу в последних рядах церкви, уткнувшись лбом в спинку скамьи передо мной, наблюдая, как кончик моего галстука раскачивается взад-вперед, и размышляю о том, как люди доходят до такой жизни, когда все вокруг начинают говорить: «Эй! Постой-ка! Чтобы я смог серьезно к тебе относиться, ты должен нацепить себе на шею яркую остроконечную полоску ткани». Голубой ковер повсюду испещрен белыми пятнами. Интересно, кто придумал дизайн ковра? Чье это творение? Кто говорил: «Нет! Нет! Еще чего-то не хватает! Добавим... белые пятнышки! И вот тогда мой шедевр будет завершен!»? Я обмозговываю всю эту чепуху, потому что старый добрый абсурд нашей жизни — едва ли не единственное, что может отвлечь меня, а именно сейчас мне необходимо отвлечься.

Лоб разболелся от соприкосновения с твердой и гладкой деревянной спинкой скамьи. Надеюсь, со стороны кажется, что я молюсь. Это самое подходящее занятие во время отпевания в церкви. Кроме того, так я могу избежать ненужных разговоров о разных пустяках (которых терпеть не могу ни при каких об-

стоятельствах). Люди рассказываются вокруг с тихим скорбным шепотом, словно рой печальной саранчи. *Разве это не ужасно... Какая потеря... Он был так молод... Он был таким жизнерадостным... Он был... Он был... Он был...* Люди прячутся за избитыми фразами. Человеческий язык беспомощен перед лицом смерти. Но, думаю, в подобных обстоятельствах было бы чересчур просить людей отклониться от старых добрых проверенных штампов поведения.

В церкви множество людей. Родственники Блейка из Восточного Теннесси. Прихожане из церкви Блейка. Друзья Наны Бетси с работы. Группа наших одноклассников из колледжа при Художественной академии Нэшвилла. С большинством из них я в весьма неплохих отношениях, с некоторыми мы даже дружим. Кое-кто подходит, торопливо выражает соболезнования и сразу отходит в сторону, оставляя меня одного, но я им благодарен за это. Конечно, только в том случае, если они оставляют меня из сострадания, а не потому, что Адейр уже всех убедила, что я — убийца.

Рядом со мной раздается шорох, мягкая обивка скамьи слегка прогибается, я ощущаю тепло и терпкий, пронизанный солнцем аромат жимолости. Если какой запах и бросает вызов смерти, то это точно запах жимолости.

— Привет, Карвер.

Я поднимаю голову. Это Джесмин Холдер, девушка Эли. Бывшая девушка? Они не расставались. Встречались где-то около двух месяцев. У нее темные круги под глазами. Горе припорошило ее лицо, словно пыль.

— Привет, Джесмин.

— Можно я присяду здесь?

— Конечно. — *Рад, что Адейр не добралась хотя бы до одной будущей однокурсницы.*

— Ну да я и так уже здесь сижу.

ДНИ ПРОЩАНИЙ

— Кто-то сказал, что легче попросить прощения, чем разрешения.

— Ты здесь один? — спрашивает Джесмин. — На двух других похоронах ты был с девушкой.

— Это моя сестра Джорджия. Она сегодня на работе. Прости, что мы так и не поговорили с тобой на двух предыдущих похоронах.

— Мне было не до разговоров.

— Понимаю. — Я тяну книзу свой галстук. — Неужели здесь действительно так невыносимо жарко?

Вообще-то лучше бы меня сожрал «дракон» с Комодо¹, чем вести всю эту болтовню. Но иногда ты делаешь то, что должен.

— Да, но у меня филиппинские гены и я нормально переношу жару, — говорит Джесмин.

Мы некоторое время сидим молча, пока она разглядывает присутствующих.

— Я узнаю многих людей с двух других похорон.

Я слегка приподнимаю голову.

— Многие собираются в Художественную академию Нэшвилла. Твои планы не изменились?

— Конечно, нет. Ты ведь не думаешь, что я хотела поступить туда из-за Эли, правда?

— Нет. Ну, я не знаю. Нет.

— Две девчонки из академии в прошлом году попали в фортепианную программу Джуллиарда. А это невероятная удача. Поэтому я решила поступать туда еще до того как встретила Эли.

— Я рад, что ты держишься. Я не имею в виду ничего плохого.

— Нет проблем. Но сейчас так странно говорить об этом.

— Сейчас вообще обо всем странно говорить.

¹ Огромный варан с индонезийского острова Комодо.

— Да.

Впереди, с трудом передвигая ноги и рыдая, к кедровому гробу Блейка приближается Нана Бетси, чтобы еще раз провести ладонью по его гладкой поверхности до начала погребальной церемонии. Я сделал то же самое до того, как сел на скамью. Аромат кедра. Острый и чистый. Этот запах совсем не подходит для того, чтобы исчезнуть под землей. Гроб закрыт. Людям нельзя видеть, как выглядит жертва несчастного случая. И потому на закрытой крышке гроба установлена фотография Блейка на деревянной подставке. Он специально хотел выглядеть на ней смешно. Это фотопортрет, сделанный в универмаге Олан Миллз или Сирс-студио, или где-то еще в этом роде. На Блейке свитер из сэконд-хэнда в стиле 80-х и брюки цвета хаки со складками. Он держит в руках огромного сердитого персидского кота. Своего кота у него не было. Он его специально позаимствовал для этой фотографии. И в этом был весь Блейк. На его круглом лице сияет искренняя и счастливая улыбка. Глаза закрыты, словно он моргнул во время вспышки. Блейк считал фотографии с моргнувшими людьми очень забавными.

Я не мог сдержать улыбки, увидев это фото. Даже в таких обстоятельствах. Стоило Блейку только войти в комнату, и я уже заранее начинал смеяться.

— А почему твои родители не приехали? — спросила Джесмин, отвлекая меня от воспоминаний.

— Они в Италии, отмечали двадцать пятую годовщину свадьбы. Пытались вернуться, но не смогли достать билеты, а отец еще умудрился потерять паспорт. Они возвращаются завтра.

— Хреново.

— А почему ты не сидишь с родителями Эли?

Джесмин скрещивает ноги и смахивает белую пушинку с черного платья.

ДНИ ПРОЩАНИЙ

— Сначала я сидела с ними. Но Адейр слишком раздражена. А потом я увидела, что ты сидишь здесь такой одинокий.

— Возможно, я всегда так выгляжу.

Она откинула с лица темно-рыжий завиток волос, и ощутил запах ее шампуня.

— Мне стало бы очень неловко, если бы я подошла к тебе выразить сочувствие, а ты в нем не нуждался.

— Адейр не понравится, что ты подошла ко мне.

— Да уж. Но жизнь — сплошной риск.

Усталость дает о себе знать. За последние три дня я спал от силы несколько часов. Я тру глаза и поворачиваюсь к Джесмин.

— Ты разговаривала с Адейр или с родителями Эли после того, что произошло? — Сказав это, я тут же понимаю, что не представляю себе, каково мнение самой Джесмин о случившемся. Недосып настолько притупил мои реакции, что я задаю вопросы, ответы на которые, возможно, не готов услышать.

Она открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент начинается служба. Мы склоняем головы, пастор из церкви Блейка читает молитвы, а затем произносит слова утешения из Евангелия. Все это больше напоминает мне роскошные похороны Марса в американской православной Церкви Нового Вефиля, чем скромное прощание с Эли в зале гражданской панихиды братьев Коннелли. Родители Эли атеисты, и это были первые похороны, на которых не упоминался Бог. Мне всего семнадцать, а мой похоронный опыт уже, возможно, не меньше, чем у людей в два раза старше меня.

Шестеро участников хора из Художественной академии Нэшвилла исполняют реквием а капелла. Они пели его и на похоронах Марса и Эли. Слезы струятся по лицу Джесмин, словно русла рек. Она скомкала бумажную салфетку и вытирает глаза и нос, глядя прямо

перед собой. Я не понимаю, почему не плачу. Мне следовало бы расплакаться. Возможно, по той же причине снег не идет, когда слишком холодно.

Один из дядьев Блейка читает Первое послание к Фессалоникийцам 4:14-17 с сильным акцентом жителя Восточного Теннесси. Его большие ладони дрожат. И голос тоже дрожит. *Мы верим, что Иисус умер и что Он воскрес, и поэтому верим, что вместе с Иисусом Бог приведет и тех, кто умер с верой в Него. Мы теперь говорим вам со слов Господа, что мы, которые будем еще в живых к тому времени, когда придет Господь, нисколько не опередим тех, кто к этому моменту уже умрет. Потому что Господь сам придет с небес (о чем возвестят громкий клич, голос архангела и труба Божья), и умершие с верой во Христа воскреснут первыми. Потом и мы, оставшиеся в живых, будем вместе с ними подняты на облаках, чтобы встретить Господа в воздухе, и уже всегда с той поры будем с ним¹.*

На спинку скамьи передо мной опускается муха и принимается потирать задние лапки. Эта муха жива, а Блейка больше нет на свете. Мир вокруг переполняет пульсирующая, гудящая жизнь. И только в деревянном гробу посреди церкви ее нет. Там все совершенно неподвижно. А причиной этой неподвижности стало мое абсолютно банальное, рутинное действие, обычная смс-ка друзьям. Человеческий эквивалент мухи, потирающей задние лапки. Это то, что мы обычно делаем. И это никак не должно было убить трех моих лучших друзей.

Нана Бетси, хромая, ковыляет к кафедре проповедника, чтобы произнести надгробную речь. У нее больные колени. Она долго собирается с духом. В ее руках ничего нет, словно она намеревается произнести

¹ Новый русский перевод.

ДНИ ПРОЩАНИЙ

то, что у нее на душе. И судя по ее выражению лица, она не знает, с чего начать.

Я стараюсь затаить дыхание, чтобы не нарушить тишину, повисшую вокруг. Во рту пересохло, а голова начинает раскалываться от боли. Горло саднит, словно там что-то застряло. Шаткая стена, которую я выстроил — которую каждый из нас выстроил, чтобы защитить окружающих от проявлений своей скорби, — начинает рассыпаться в прах.

Наконец Нана Бетси откашливается и начинает говорить.

— Жизнь Блейка не всегда была легкой. Но он жил радостно. Любил свою семью. Любил друзей. И они любили его.

И вот стена рушится и наружу выплескивается бурлящее серое море. Я упираюсь локтями в колени и закрываю лицо ладонями. Прижимаю ладони к глазам, и горячие слезы сочатся сквозь пальцы. Я дрожу. Джесмин кладет руку мне на плечо. Наконец боль в горле стихает, словно вскрылся нарыв, полный слез.

— Блейк был веселым, — говорит Нана Бетси. — Если вы были знакомы с ним, то наверняка он не раз смешил вас.

Слезы стекают по запястьям и пропитывают манжеты рубашки. Они капают на голубой ковер с белыми пятнами. На какой-то миг я думаю обо всех местах, где оставил крупицу себя. Теперь крошечная часть этой церкви хранит мои слезы. Возможно, после моей смерти можно было бы вырезать кусок ковра и извлечь мою ДНК из впитавшихся в него слез, а затем воскресить меня. Возможно, именно в этом и будет заключаться воскресение из мертвых.

— Вспоминайте о нем каждый раз, когда кто-то заставит вас смеяться. Вспоминайте о нем каждый раз,

когда сами рассмешите кого-то. Вспоминайте о нем каждый раз, когда услышите чей-то смех.

Я глубоко вздыхаю, и воздух со свистом и дрожью врывается в легкие. Возможно, звук чересчур громкий, но мне плевать. Я специально сел в самом конце, и по крайней мере никто не оборачивается, чтобы взглянуть на меня.

— Я с нетерпением жду дня, когда снова увижу его и обниму. А до тех пор верю, что он будет сидеть у ног нашего Спасителя. — Она умолкает, чтобы собраться с силами и закончить свою речь. — И, возможно, он смешит и Иисуса. Спасибо всем, что пришли. Для Блейка это многое бы значило.

Поминальная служба завершается. Я встаю, чтобы нести гроб. На похоронах Марса и Эли меня никто не просил нести гроб.

Джесмин дотрагивается до моей руки.

— Эй... Хочешь поехать на кладбище?

Я благодарно киваю ей и прихожу в себя. Словно очнулся от одного из тех кошмаров, когда ты плачешь и просыпаешься на подушке, мокрой от слез. Твое горе подобно зверю, бесформенному существу, наслаждающемуся безумием кошмаров. Проснувшись, ты не можешь вспомнить, из-за чего плакал. Или вспоминаешь, что плакал, потому что тебе предлагали шанс на искупление. И понимая, что это всего лишь сон, продолжаешь плакать, потому что надежда на искупление — это еще одна твоя потеря. А ты устал от потерь.

Я помог донести гроб Блейка до катафалка. Он весил тысячу фунтов. Я помню, учитель естествознания как-то спросил: «Что весит больше, фунт перьев или фунт свинца?». И все ответили, что фунт свинца. Но пара сотен фунтов лучшего друга и гроб не весят столько же, сколько пара сотен фунтов свинца или перьев. Этот вес гораздо больше.